

Юрий Васильевич Арсеньев и его лекции по геральдике

Много славных имен оставила нам в наследство русская историческая наука конца XIX – начала XX в. Труды В.О. Ключевского, А.С. Лаппо-Данилевского, Н.П. Лихачева и других составляют славу отечественной науки. Работы более скромных исследователей того времени также до сих пор сохранили значительный интерес и активно используются специалистами.

Развитие в России вспомогательных исторических дисциплин невозможно представить без трудов Юрия Васильевича Арсеньева¹, одного из основателей знаменоведения и научной геральдики. Он ро-



*Юрий Васильевич Арсеньев
(1857–1919). Начало XX в.
Личный архив родственников
Ю.В. Арсеньева, Москва.*

¹ Долгое время Ю.В. Арсеньев упоминался только в общих работах по вспомогательным историческим дисциплинам: *Каменцева Е.И., Устюгов Н.В.* Русская сфрагистика и геральдика. – 2-е изд. – М., 1974. – С. 26; *Паишков А.М.* Вспомогательные исторические дисциплины в отечественном архивном образовании в конце XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1984. – С. 23; *Вспомогательные исторические дисциплины: историография и теория.* – Киев, 1988. – С. 163; *Введение в специальные исторические дисциплины.* – М., 1990. – С. 46, 62. Сейчас появились посвященные ему исследования: *Голованова М.П.* Из истории знамен. Деятельность Ю.В. Арсеньева как члена Особого совещания по вопросу о русских государственных национальных цветах // *Культурное наследие российской эмиграции, 1917–1940 гг.* – Кн. I. – М., 1994. – С. 468–475; *Наумов О.Н.* Юрий Васильевич Арсеньев – геральдист и генеалог // *Гербовед.* – 1994. – № 5/6. – С. 17–33; *Он же.* Ревнитель русской геральдики // *Вестник геральдиста.* – 1995. – № 8. – С. 2; *Он же.* Деятельность Ю.В. Арсеньева в Московском археологическом институте // *Высшее образование в России: история, проблемы, перспективы.* – Вып. I. – Ярославль, 1994. – С. 163–165; *Он же.* Генеалогия в дореволюционном архивном

дился в Москве 3 (по новому стилю 15) февраля 1857 г. в старинной дворянской семье, восходящей к XIV в. По легенде, основателем родов Арсеньевых, Ртищевых, Сомовых, Ждановых, Достоевских² был выехавший на службу к великому князю московскому татарский мурза Ослан-Мурза-Челебей. Арсеньевы всегда держались в средних слоях дворянства и выдвинулись в начале XVIII в. благодаря родству с Александром Даниловичем Меншиковым (его жена – Дарья Михайловна Арсеньева). Подлинный расцвет семьи начался с середины XIX в. и связан не с высокими должностями и чинами (еще в XVIII в. среди Арсеньевых бывали генералы и губернаторы), а с выдающимся духовным потенциалом рода, давшего русскому народу несколько писателей, философов, ученых. Все те высокие качества, которые принято вкладывать в понятие «дворянство», проявились в Арсеньевых в полной мере. Атмосфера подлинной культуры пронизывала и жизнь семьи Василия Сергеевича Арсеньева, отца геральдиста, оригинального христианского мыслителя, философа, мистика, коллекционера мasonicких рукописей. Его внук, Николай Сергеевич Арсеньев, также выдающийся философ, филолог, богослов, поэт, чья деятельность, к сожалению, пока больше известна за рубежом, чем на Родине, так характеризовал деда: «Его главным интересом было духовное, мистическая жизнь, его мысль была направлена на религиозное созерцание»³. Духовное, православное начало личности главы семьи наложило сильный отпечаток на его детей: двое сыновей стали священниками, а остальные проявляли неизменный интерес к русской истории и культуре. Например, брат Юрия Васильевича Арсеньева – Сергей Васильевич, крупный дипломат, посол России в Норвегии, параллельно со служебными обязанностями выявлял в зарубежных архивах и публиковал материалы по русской истории⁴.

образовании: курс Ю.В. Арсеньева в Московском археологическом институте // Головинское обозрение. – 1996. – № 1. – С. 2; *Он же*. Ю.В. Арсеньев и развитие вспомогательных исторических дисциплин в России в конце XIX – начале XX вв. // Историческая генеалогия. – 1995. – Вып. 6. – С. 4–20.

² Происхождение Достоевских от Ослана-Мурзы-Челебея установил в 1920-х гг. выдающийся русский генеалог Н.П. Чулков: ОРФ ГЛМ. – Ф. 230. – Д. 17. – Л. 1–6.

³ *Арсеньев Н.С.* Дары и встречи жизненного пути. – Франкфурт-на-Майне, 1974. Отрывки из воспоминаний Н.С. Арсеньева опубл.: Московский журнал. – 1993. – № 2/3. – С. 30–32; № 6. – С. 46–51 и др.

⁴ *Арсеньев С.В.* Оправдательное донесение рижского губернатора Дальберга // Русский архив. – 1889. – № 3. – С. 385–391; *Он же*. Письма русских государей, хра-

Особо следует сказать о внутрисемейных отношениях Арсеньевых, которые основывались на строгих моральных, христианских принципах и были пронизаны чрезвычайной благожелательностью, добротой, взаимопомощью. «Чувство рода» спланивало семью не только фактическим, но и глубоким духовным родством. Еще одной чертой Арсеньевых можно назвать бесконечный оптимизм, так пригодившийся после 1917 г. Любое семейное событие, поездки в гости становились поводом для неподдельной радости и общения. Вот, например, какое замечательное стихотворение посвятил 19-летний Н.С. Арсеньев своему дяде Ю.В. Арсеньеву и его жене Ольге Львовне (рожденной Волковой)⁵:

Полет журавлей

Над зыбью кристальной лагуны
Из северной, мрачной земли
На юг, благодарный и юный,
Несутся толпой журавли.
Несутся воздушной стезею –
Чуть слышно биенье их крыл –
Туда, где янтарной струею
Катится божественный Нил.
Где, искрясь, шумят водопады;
Где в заводях Лотос цветет;
Где дремлют колоссов громады,
В раздумье глядя на восход.
Где сфинкс улыбался печально,
Где горы в пустыне встают,
В те чащи их Родины дальней,
Где пальмы так стройно растут.
В те чащи прохладные Юга,
Где солнце и летом не жгло,

нающиеся в Королевской библиотеке в Стокгольме // Чтения в Обществе истории и древностей российских. – 1900. – Кн. 3. – Отд. 4 – С. 10–12; *Он же*. О любком типографщике Варфоломее Готане, бывшем в Москве в XV в. // Там же. – 1909. – Кн. 4. – Отд. 4. – С. 17–20; *Он же*. Грамота патриарха Филарета Никитича герцогу шлезвиг-гольштинскому Фридриху 12 августа 1632 г. // Там же. – 1911. – Кн. 1. – Отд. 4. – С. 46–48 и др.

⁵ ОПИ ГИМ. – Ф. 43. – Д. 27. – Л. 260–260 об.

Где ждет молодая подруга
И клювом хохорит крыло...
Над зыбью кристальной лагуны
Ты слышишь ли крик журавлей?
Тот крик, торжествующе юный,
Пронесся над гладью морей:
«Летим, нас судьба не сломила.
Летим, нас простор не страшит.
В тот край незабвенного Нила,
В тот край дорогих пирамид».

В такой семье рос Юрий Васильевич Арсеньев, ее традиции он впитал, поэтому его рано проявившийся интерес к прошлому представляется далеко неслучайным.

Однако после окончания 1-й московской гимназии он, вероятно под влиянием дяди, вице-адмирала, директора Морского училища и начальника Морской академии Д.С. Арсеньева, поступил в Морское училище. В апреле 1874 г. Ю.В. Арсеньев стал юнкером 8-го флотского экипажа на Балтийском флоте. Письма матери, Наталье Юрьевне, рожденной княжне Долгорукой, происхождением которой он всегда гордился, свидетельствуют, что юнкеру приходилось нелегко, особенно донимали его частые, утомительные вахты⁶. В 1875 г. Ю.В. Арсеньев был переведен в Гвардейский экипаж, через два года получил чин мичмана; на его счету несколько плаваний: по Балтийскому морю, по Средиземному морю (Алжир, Италия, Греция), через Атлантический океан к берегам США⁷. Участвовал Ю.В. Арсеньев в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг.: плывал на миноносных паровых катерах по Дунаю, охранял переправы через него, а закончил – в Сан-Стефано, где заключался мирный договор⁸. «За отличия в войну» получил орден Святого Станислава III степени с мечами и бантом. Всю кампанию молодой офицер вел дневник, который через 30 лет опубликовал, посвятив командиру Гвардейского экипажа великому князю Алексею Александровичу⁹.

⁶ Там же. – Л. 8.

⁷ В 1877 г. Ю.В. Арсеньев становится членом-корреспондентом Американского географического общества в Нью-Йорке.

⁸ Подробнее см.: ЦГАМ. – ЦХД до 1917 г. – Ф. 376. – Оп. 2. – Д. 10. – Л. 3–7.

⁹ *Арсеньев Ю.В.* Из пережитого. Дневник моряка на Дунае и в сухопутном походе на Балканы, 1877–1878 гг. // Братская помощь. – 1909. – № 6–10; 1910. – № 2, 4.

В 1883 г. морскую службу пришлось оставить. Трудно сказать, что послужило причиной такого шага. Возможно, это было связано с женитьбой. После кратковременной отставки он поступил на службу в земские учреждения Тульской губернии, а в 1887 г. перешел в канцелярию тульского губернатора. Переломным в судьбе Ю.В. Арсеньева стал 1898 год, когда его назначили хранителем Оружейной палаты. В общем-то, новая должность была случайной. Уже несколько лет перед тем он искал место вице-губернатора¹⁰, но вакансии не нашлось, возник вопрос о банковской службе. В назначении хранителем музея, несомненно, сыграл роль опыт научной работы, которым к тому времени уже обладал Ю.В. Арсеньев.

Он сразу приступил к изучению малознакомого музейного дела. Первым шагом стала работа в московских архивах и библиотеках. Уже в августе 1898 г. его имя значится в списке занимавшихся в Московском дворцовом архиве¹¹, где хранились материалы Оружейной палаты за XVI–XVII вв. Архивные изыскания продолжались до 1917 г. Их результатом стали несколько публикаций источников по истории Оружейного приказа в XVII в., очерки по истории Оружейной палаты¹². Совместно с другим хранителем палаты, известным археологом и нумизматом В.К. Трутовским, он составил путеводитель¹³ по экспозиции музея, выдержавший четыре издания. Образцом для него послужил путеводитель по музею города Нюрнберга¹⁴. Ревностно исполнял Ю.В. Арсеньев специфические обязанности музейного сотрудника: принимал посетителей, заботился о сохранности предметов, вел хозяйственные дела. В январе 1910 г. он возил экспонаты на выставку мусульманского искусства в Мюнхен.

¹⁰ РГАДА. – Ф. 1254. – Д. 79. – Л. 1.

¹¹ Там же. – Ф. 1239. – Оп. 35. – Д. 180. – Л. 1 об.

¹² *Арсеньев Ю.В.* Исторический очерк Московской Оружейной палаты // Художественные сокровища России. – 1902. – № 9/10. – С. 211–217; *Он же.* Обзор собраний Московской Оружейной палаты. Сени, бронная, оружейная и каретная залы // Там же. – С. 217–226; *Он же.* К истории древностей Оружейной палаты // Чтения в Обществе истории и древностей российских. – 1902. – Вып. 3. – Отд. 4. – С. 38–44; *Он же.* Оружейный приказ при царе Михаиле Федоровиче: материалы, извлеченные из архива Оружейной палаты // Вестник археологии и истории. – 1903. – Вып. 15. – С. 335–360; *Он же.* К истории Оружейного приказа в XVII веке. Оружейничество боярина Григория Гавриловича Пушкина (1647–1655) // Там же. – 1904. – Вып. 16. – С. 131–198.

¹³ *Арсеньев Ю.В., Трутовский В.К.* Оружейная палата: путеводитель. – М., 1909; 2-е изд., испр. и доп. – М., 1910; 3-е изд. – М., 1911; 4-е изд. – М., 1914.

¹⁴ РГАДА. – Ф. 1254. – Д. 762. – Л. 6.

В Оружейной палате не существовало поста директора, всем ведали два хранителя, поэтому должность была очень заметной в научной среде Москвы. Ю.В. Арсеньев быстро приобрел известность, выражением чего стало избрание членом ряда обществ: Археографической комиссии при Московском археологическом обществе (1899), Общества истории и древностей российских (член-сотрудник с 1901, действительный член с 1912), Тульского историко-археологического общества (1901), Общества любителей духовного просвещения (1901), Русского генеалогического общества (1901), Военно-исторического общества, а также ученых архивных комиссий: Ярославской (1901), Оренбургской (1902), Витебской (1907), Смоленской (1910), Тульской (1913). Он стал членом-сотрудником петербургского Археологического института (1906), назначен в Особый комитет при московском генерал-губернаторе по устройству в Москве военно-исторического музея в память Отечественной войны 1812 г. (1908)¹⁵. Именно Ю.В. Арсеньева просила командировать как представителя Московского дворцового управления в свой состав Церковная комиссия по устройству чествований исторических событий 1612, 1613, 1812 и 1861 гг. (1910)¹⁶. С 1904 г. он принимал участие в работе Комиссии по осмотру и изучению памятников церковной старины Москвы и Московской епархии. Интерес Ю.В. Арсеньева к генеалогии способствовал его участию в создании (как члена-учредителя) и деятельности Историко-родословного общества в Москве, а также в работе в Комиссии по приведению в порядок архива московского дворянства. Участие Ю.В. Арсеньева в деятельности большинства указанных организаций не было формальным. Он выступал на заседаниях с научными докладами и сообщениями, участвовал в прениях, публиковал в их изданиях работы.

Успешно складывалась и служебная карьера ученого. В апреле 1903 г. ему пожаловано придворное звание камергера, а в декабре 1910 г. «за особые отличия по должности почетного члена и преподавателя» Московского археологического института он получил чин действительного статского советника. Его служебное усердие регулярно отмечалось орденами: Святого Станислава (1903), Святой Анны II степени (1906), Святого Владимира III и IV степеней

¹⁵ ЦГАМ. – ЦХД до 1917 г. – Ф. 376. – Оп. 2. – Д. 10. – Л. 25 об., 13 об.–17 об.

¹⁶ РГАДА. – Ф. 1239. – Оп. 24. – Д. 700. – Л. 92, 93.

(1912, 1917), а также многочисленными наградами иностранных государств. В апреле 1912 г. Ю.В. Арсеньев получил французский знак отличия народного просвещения¹⁷. Впрочем, не чинами и орденами определялся вклад ученого в развитие исторической науки России.

Тематика его исследований удивительно четко отражает этапы жизненного пути. Годы службы в Тульской губернии ознаменовались появлением многочисленных публикаций источников по истории этого региона (преимущественно социальной) в XVII в.¹⁸. Они явились результатом приведе-



*Василий Сергеевич Арсеньев
(1883–1947). 1900 г.
Личный архив родственников
В.С. Арсеньева, Москва*

¹⁷ ОПИ ГИМ. – Ф. 43. – Д. 21. – Л. 7.

¹⁸ *Арсеньев Ю.В.* Древние акты каширского архива // Тульские губернские ведомости. – 1888. – 4 июня. – № 22; 11 июня. – № 23; 18 июня. – № 24; 25 июня. – № 25; 30 июля. – № 30; 6 авг. – № 31; 13 авг. – № 32; 20 авг. – № 33; 27 авг. – № 34; 3 сент. – № 35; 10 сент. – № 36; 24 сент. – № 37; 8 окт. – № 39; 15 окт. – № 40; 22 окт. – № 41; 29 окт. – № 42; 9 нояб. – № 43; 12 нояб. – № 44; 19 нояб. – № 45; 26 нояб. – № 46; *Он же.* Из местной старины. Разбойные дела Каширского уезда в конце XVII в. // Там же. – 13 февр. – № 7; 9 апр. – № 15; 30 апр. – № 17; 14 мая. – № 19; 21 мая. – № 20; 28 мая. – № 21; *Он же.* К истории цен сельскохозяйственных продуктов в Каширском уезде в конце XVII в. // Там же. – 16 янв. – № 3; *Он же.* К древнейшей истории тульских железных заводов. – СПб., 1888; *Он же.* Древние акты каширского архива // Тульские губернские ведомости. – 1889. – 7 янв. – № 1; 14 янв. – № 2; 21 янв. – № 3; 28 янв. – № 4; 11 февр. – № 6; 25 февр. – № 8; 4 марта. – № 9; 11 марта. – № 10; 18 марта. – № 11; 25 марта. – № 12; 1 апр. – № 13; 22 апр. – № 16; 29 апр. – № 17; 6 мая. – № 18; *Он же.* Сношения московского патриарха Иоакима с каширскими воеводами (1681–1682 гг.) // Там же. – 29 апр. – № 17; *Он же.* Материалы для историко-археологической карты Тульской губернии // Там же. – 25 февр. – № 8; 15 апр. – № 15; 22 апр. – № 16; 20 мая. – № 20; 27 мая. – № 21; Тульская старина: сборник древних актов по истории Тульского края в XVII веке. – Тула, 1899. – Вып. 1: Каширские акты о ратной службе и военных повинностях поместного сословия; *Арсеньев Ю.В., Троицкий Н.И.* Материалы для историко-статистического описания Тульской губернии. – Тула, 1888. – Вып. 1: Святые храмы города Тулы.

ния Ю.В. Арсеньевым в порядок архива Каширского уезда и опубликованы в «Тульских губернских ведомостях», где он был редактором неофициального отдела. Ю.В. Арсеньев стремился активизировать в Туле краеведческое движение и ходатайствовал вместе с другими краеведами об открытии губернской ученой архивной комиссии¹⁹, но проект остался неосуществленным, и лишь спустя тридцать лет его племянник, видный генеалог и историк В.С. Арсеньев добился создания этой организации. Служба в музее привела к появлению работ Ю.В. Арсеньева по музейному делу и истории Оружейной палаты, преподавательская деятельность, о которой будет сказано ниже, – к публикациям по геральдике, работа в Особом совещании для выяснения вопроса о русских государственных национальных цветах – к созданию исследований о знаменах.

Была у Ю.В. Арсеньева и сквозная тема, которой он занимался 25 лет – жизнь и деятельность русского дипломата и мыслителя XVII в. Николая Спафария²⁰. Им был задуман, но, к сожалению, не осуществлен полностью, большой труд «Николай Спафарий и его время». Однако источники, которые должны были стать его основой, находившиеся в Московском главном архиве Министерства иностранных дел и других хранилищах, большей частью Ю.В. Арсеньевым оказались опубликованы, среди них статейный список и путевой дневник (1675 г.) Н. Спафария, отражающий путь дипломата через Сибирь до Китая, обширная переписка и т. п. Они сопровождались очерками о русско-молдавских и русско-китайских отношениях XVII в., источниковедческим анализом напечатанных документов. Исследования Ю.В. Арсеньева были положительно оце-

¹⁹ *Присенко Г.П.* Проникновение в прошлое. – Тула, 1984. – С. 99.

²⁰ *Арсеньев Ю.В.* Письмо Николая Спафария к боярину Артемону Сергеевичу Матвееву (июль 1675 г.) // Русский архив. – 1881 – № 1. – С. 52–57; *Он же.* Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г. – СПб., 1882; *Он же.* О происхождении «Сказания о Великой реке Амур» // Известия Русского географического общества. – 1883. – Т. 18; *Он же.* Николай Спафарий и его время. 1. Молдавский период // Русский архив. – 1895. – № 7. – С. 349–360; *Он же.* Молдавский господарь Стефан-Георгий и его сношения с Москвой // Там же. – 1896. – № 2. – С. 161–186; *Он же.* Новые данные о службе Николая Спафария в России (1671–1708) // Чтения в Обществе истории и древностей российских. – 1900. – Вып. 4. – Отд. 1. – С. 1–63; *Он же.* Статейный список посольства Н. Спафария в Китай (1675–1678 гг.) // Вестник археологии и истории. – 1906. – Вып. 17. – Отд. 2. – С. 162–339.

нены не только зарубежными и русскими историками, но и официально. В 1883 г. за публикацию, посвященную Н. Спафарию, ученый получил серебряную медаль Русского географического общества²¹. Как истинного патриота Ю.В. Арсеньева привлекали не только научные аспекты темы, но и то, что, по его словам, посольство Н. Спафария «открыло новую эпоху в истории русского владения в Сибири»²², т. е. политическое значение. Интерес к ситуации на Дальнем Востоке сохранялся у него всю жизнь²³, являясь как бы продолжением изучения темы дипломатических отношений в этом регионе, которой он занимался применительно к XVII в. В предисловии к путевому дневнику Н. Спафария он прямо указывал на актуальность его публикации именно в настоящий момент, когда политические события на Дальнем Востоке и проведение Великого Сибирского рельсового пути привлекли к ним «внимание всего образованного мира»²⁴.

Ю.В. Арсеньев не имел специального исторического образования, формирование его как историка происходило медленно и под влиянием нескольких факторов. Во-первых, он обладал огромным желанием исследовать прошлое, удивительной работоспособностью и ответственным подходом к порученному делу. Во-вторых, несомненное значение имел опыт непосредственной работы с источниками в московских и тульских архивах и с вещественными памятниками в Оружейной палате. Окончательное формирование Ю.В. Арсеньева как специалиста-историка произошло в процессе его многолетней преподавательской деятельности в Московском археологическом институте.

Это учебное заведение, созданное в 1907 г. для подготовки научных кадров, в действительности сыграло гораздо более важную роль в развитии исторической науки, поскольку выполняло функции и учебного, и научного, и общественного центра²⁵. Ю.В. Ар-

²¹ Диплом см.: ОПИ ГИМ. – Ф. 43. – Д. 21. – Л. 11.

²² Арсеньев Ю.В. Новые данные о службе Николая Спафария... – С. 3.

²³ Арсеньев Ю.В. Род князей Гантимуровых: генеалогическая справка. – М., 1904. См. также: РГАДА. – Ф. 1254. – Д. 815, 816.

²⁴ Путевой дневник от Нерчинского острога до Пекина русского посланника в Китай Николая Гавриловича Спафария // Известия Оренбургского отдела Русского географического общества. – 1896. – Вып. 10. – С. 6.

²⁵ Иванов А.Е. Московский археологический институт – центр российского исторического культуроведения // Археографический ежегодник за 1994 г. – М., 1996. – С. 52.

сеньев был в числе его учредителей, 26 февраля 1907 г. Совет института избрал, а 15 марта Министерство народного просвещения утвердило ученого преподавателем геральдики²⁶. В представлении на должность директор учебного заведения А.И. Успенский дал ему такую характеристику: «Многочисленность [...] печатных работ Ю.В. Арсеньева свидетельствует о его полной работоспособности, большом трудолюбии и любви к археологии. Привлечение Ю.В. Арсеньева в число преподавателей (по геральдике) института весьма желательно для пользы дела, тем более что других специалистов по геральдике в Москве мне не известно»²⁷.

Начало преподавания геральдики в Московском археологическом институте является важным рубежом в ее развитии, показывающим уровень, достигнутый дисциплиной к началу XX в. Курс Ю.В. Арсеньева – первый опыт преподавания геральдики в России. В петербургском Археологическом институте чтение лекций по геральдике началось только в январе 1913 г. и было необязательным. Материалы этого курса, разработанного крупнейшим русским геральдистом В.К. Лукомским, остались неопубликованными и не сохранились, об их содержании можно лишь догадываться²⁸.

Важным явилось и то, что геральдика в Московском археологическом институте не стала составной частью какого-либо общего курса, например, вспомогательных исторических дисциплин, как случалось в советское время, а оказалась отдельным, самостоятельным, достаточно обширным курсом (около 20 лекций). Она преподавалась на первом курсе археографического отделения. Немаловажное значение имело издание лекций, которое Ю.В. Арсеньев посвятил Николаю II²⁹. Это единственное в отечественной историографии опубликованное специальное учебное пособие по гераль-

²⁶ ЦГАМ. – ЦХД до 1917 г. – Ф. 376. – Оп. 2. – Д. 10. – Л. 16 об.

²⁷ Там же. – Л. 25 об.

²⁸ Попытку их реконструкции см.: Пашков А.М. В.К. Лукомский и Археологический институт // Геральдика. – Л., 1987. – С. 17–25.

²⁹ ЦГАМ. – ЦХД до 1917 г. – Ф. 376. – Оп. 2. – Д. 10. – Л. 21–23; Арсеньев Ю.В. Геральдика: лекции, читанные в Московском археологическом институте в 1907/1908 году. – М., 1908; Он же. Вступительная лекция по геральдике, читанная в Витебском отделении Московского археологического института 22 ноября 1911 г. // Витебские губернские ведомости. – 1911. – № 262; Он же. [Программа] по геральдике // Отчет о состоянии Московского археологического института за 1908–09 академический год. – М., [1910]. – Отд. 2. – С. 39–41; Он же. Программа по гераль-

дике. Публикация позволяла ознакомиться с лекциями не только студентам, но и всем, кто интересовался и интересуется гербами. Реальное функционирование этого учебника в обществе оказалось более широким, нежели предполагалось первоначально, поскольку он сочетает в себе и черты монографического исследования, и справочные функции.

В наследии Ю.В. Арсеньева лекции по геральдике – едва ли не единственная специальная геральдическая работа. Справиться с ее созданием помог опыт изучения экспонатов Оружейной палаты, в частности западного оружия, на котором имеется множество изображений гербов, и русских знамен, давших богатый материал для наблюдений по геральдике и символике.

При создании курса перед Ю.В. Арсеньевым встала сложная задача. Уровень изучения русской геральдики был еще недостаточным. Отечественная историография гербов являлась чрезвычайно скудной, исследование архивных материалов по теме еще практически не начиналось, а многие источники, хранившиеся в Департаменте Герольдии, были просто недоступны для специалистов, поскольку прямо затрагивали интересы дворянского сословия и тщательно охранялись от посторонних. Подгоняли историка и сроки. Он не имел возможности долго работать в архивах, ведь на подготовку лекций у него имелось всего примерно полгода. Если бы Ю.В. Арсеньев все-таки решил сосредоточиться только на русской геральдике, то невольно был бы обречен на повторение единственного крупного отечественного труда по геральдике в то время – книги А.Б. Лакиера, что он вряд ли мог себе позволить. С другой стороны, предметы, преподававшиеся в Московском археологическом институте, были двоякого рода: одни строились исключительно на отечественном материале, другие касались преимущественно Западной Европы. Ю.В. Арсеньев выбрал второй вариант, что представляется вполне логичным. Лекции его посвящены в основном западноевропейской геральдике, они условно подразделяются на две части – в одной изложена история практической и научной геральдики, в другой – теоретическая геральдика, т. е. основные правила составления и описания гербов.

дике // Программы лекций, читаемых в Московском археологическом институте. Курс I (1912–1913 гг.). – М., 1913. – С. 45–48.

К подготовке лекций ученый подошел очень добросовестно. Не имея возможности непосредственного изучения западноевропейских источников по геральдике, Ю.В. Арсеньев основывался на трудах французских, немецких, английских ученых, большая часть которых относится к XIX в.³⁰ Среди них были исследования о гербах, рыцарстве, печатях, турнирах, искусстве, антропонимике (для раздела о «гласных» гербах). Изложение теоретической геральдики строилось на работах профессора дипломатики и геральдики Боннского университета Х. Бернда и профессора Гёттингенского университета И.Х. Гаттерера, поскольку Ю.В. Арсеньев небезосновательно считал, что немецкие специалисты наиболее подробно и вполне научно разработали эту тему, и даже критиковал их за излишнюю мелочность и надуманность отдельных правил герботворчества. Лекции, посвященные рыцарству, создавались на основе исследований французских авторов.

Всего сохранились выписки из более чем 40 исследований, сделанных как на языках (немецком, французском), так и в переводе на русский³¹. Однако, судя по ссылкам в книге, количество привлеченных Ю.В. Арсеньевым работ было большим. Ему, видимо, удалось собрать неплохой геральдический отдел в своей библиотеке. Поиск нужных зарубежных изданий представлял для геральдиста известную трудность. Он разыскивал их в государственных и частных библиотеках, проявляя большую настойчивость. Например, сохранился список книг по геральдике на русском, французском и немецком языках в библиотеке князей Голицыных (родственников жены Ю.В. Арсеньева), среди которых указаны труды «отца геральдики» К.-Ф. Менестрие, изданные в XVII в.³² Значительную помощь в подборе литературы оказал брат геральдиста, Сергей Васильевич, прикладывавший много сил для их поиска. Он заказывал издания у антикваров Гамбурга и Лейпцига (среди найденного им было и исследование Х. Бернда, оказавшееся столь важным для Ю.В. Арсеньева).

³⁰ На многие из них имеются ссылки в тексте лекций, а сохранившиеся выписки позволяют добавить еще несколько названий: *Magny M. Nouveau traité historique et archéologique de la vrais et parfaits science des armoiries* (Paris, 1856); *Didot E. Encyclopédie moderne* (Paris, 1848); *Leiningen-Westerburg zu K.E. Deutsche und Österreichische bibliothekzeilen ex-libris* (Stuttgart, 1901) и др.

³¹ РГАДА. – Ф. 1254. – Д. 645; ОПИ ГИМ. – Ф. 43. – Д. 25. – Л. 1–10, 15–16, 18, 25–52; ОРФ ГЛМ. – Ф. 230. – Д. 365. – Л. 6–177.

³² ОПИ ГИМ. – Ф. 43. – Д. 25. – Л. 53.

Очень редкую книгу Зейлера С.В. Арсеньев искал более полугода и даже поместил соответствующее объявление в «Немецком библиографическом вестнике»³³.

Кроме зарубежных Ю.В. Арсеньев использовал для подготовки лекций отечественные труды по сфрагистике и геральдике; сделал выписки из источников («Повести временных лет», «Русской правды», новгородских летописей), исследований Н.П. Лихачева, А.В. Орешникова, А.С. Лаппо-Данилевского, П.П. фон Винклера, П.Н. Петрова, А.Б. Лакиера, различных справочников (словаря Толя и др.), сфрагистических альбомов (в частности, по материалам Московского архива Министерства юстиции, Московского главного архива Министерства иностранных дел)³⁴. Имеются среди подготовительных материалов и списки знамен из собрания Оружейной палаты с описанием их геральдических изображений. Разделы лекций по русской геральдике создавались не только на основе исследований других авторов, но и с привлечением сфрагистических, вексиллологических и письменных памятников.

Конечно, лекции Ю.В. Арсеньева в определенной степени компилятивны, однако они не являются механическим объединением разнородных выдержек из работ различных авторов, исследовательское начало в них присутствует. Взгляды ученого на основные проблемы геральдики проявляются достаточно четко, при этом в некоторых главах (например, о правилах составления гербов) личное мнение могло выглядеть не всегда уместным, хотя в них есть и полемика с позициями зарубежных геральдистов, и важная новация – включение в западноевропейские правила русского материала в качестве примеров. Подготовительные материалы свидетельствуют, насколько сложная, кропотливая работа по сравнению

³³ Там же. – Д. 20. – Л. 113–116.

³⁴ *Винклер П.П. фон.* Русская геральдика. – СПб., 1892–1894. – Вып. 1–3; *Лаппо-Данилевский А.С.* Печати последних галичско-vlадимирских князей и их советников // Болеслав-Юрий II, князь всей Малой Руси. – СПб., 1907; *Лихачев Н.П.* Дело о приезде в Москву Антония Поссевина // Летопись занятий Археографической комиссии Академии наук. – СПб., 1903. – Вып. 11; *Петров П.Н.* История родов русского дворянства. – СПб., 1886. – Т. 1–2 (перезд.: М., 1991); *Иванов П.И.* Сборник снимков с древнейших печатей, приложенных к грамотам и другим документам, хранящимся в Московском архиве Министерства юстиции. – М., 1858; Снимки древнейших русских печатей, изданные Главным архивом Министерства иностранных дел. – М., 1882 и др.

различных фактов, мнений, позиций, противоречивых точек зрения и гипотез была проведена Ю.В. Арсеньевым. На широких полях выписок он делал пометы типа: «Сравнить с Лакиером» (или с каким-либо иным исследованием)³⁵, а иногда и переписывал целые цитаты из различных сочинений. Поэтому лекции ученого, хотя и созданы преимущественно на основе других исследований, не похожи ни на одно из них, по-своему талантливы, носят обобщающий характер и представляют интерес для практической и научной геральдики России. Они знакомили ее с достижениями геральдической мысли Западной Европы, которая, и это надо признать, опережала отечественную в силу ряда объективных причин. Книга о западной геральдике была нужна в России, она позволяла сравнить состояние в области герботворчества, выдвинуть задачи (что Ю.В. Арсеньев и попытался сделать), видеть перспективы развития. Русская геральдика могла быть более четко осмыслена и в отношении своей самобытности, и в отношении общего с Западом. Поэтому знакомство с передовыми идеями зарубежных исследований через лекции Ю.В. Арсеньева следует расценивать положительно.

Конечно, геральдисту не всегда удавалось отличить достоверные сведения от недостоверных. Так, в современной литературе указывалось, что описанная им «выставка щитов» перед турниром не находит подтверждения в источниках³⁶. По всей видимости, Ю.В. Арсеньев неосторожно заимствовал это положение из работ французских историков. Впрочем, значение его лекций отдельными неточностями не определяется.

Он однозначно признавал геральдику вспомогательной исторической дисциплиной, со своими задачами, возможностями, связями с другими областями знаний (сфрагистикой, знаменоведением, искусством и др.). Ю.В. Арсеньев рассматривал гербы как часть культурной истории человечества, продукт христианства, указывал на значение геральдических знаний в профессиональной подготовке историков. Назвав геральдику межнациональным, «образным» языком Средних веков, исследователь наметил понимание роли гербов для изучения менталитета эпохи, что нашло в дальнейшем подтверждение в трудах некоторых западных историков (напри-

³⁵ ОРФ ГЛМ. – Ф. 230. – Д. 365. – Л. 105, 119.

³⁶ Введение в специальные исторические дисциплины. – С. 46.

мер, принадлежавших к школе «Анналов», И. Хёйзинги и др.)³⁷. Ю.В. Арсеньев предложил классификацию источников изучения геральдики, сочетающую письменные и вещественные памятники. Он впервые включил в нее знамена и тамги восточных народов.

Создав самый подробный в отечественной историографии очерк теоретической геральдики, историк преследовал важную цель – предложить для русского герботворчества более точную, усовершенствованную на основе западного опыта систему терминов и понятий для блазонирования гербов. Системность и точность – это то, чего не доставало описаниям русских гербов, даже в официальном «Общем гербовнике дворянских родов» есть случаи противоречий между описанием и рисунком герба, не говоря уже о том, что очень приблизительные описания гербов давали простор их изображению. К каждому геральдическому термину Ю.В. Арсеньев указывал эквивалент на немецком и французском языках, что делает его лекции справочником, который может помочь при переводе описаний зарубежных гербов на русский язык.

Отечественная геральдика занимает в лекциях скромное место. Вероятно, это связано с замыслом автора – не просто дать отдельно сведения о национальной и западной геральдике, а представить общеевропейскую историю развития дисциплины, в которую включить герботворчество в России как неотъемлемую часть общего процесса. Так, данные о Герольдмейстерской конторе в России объединены со сведениями об организации соответствующих учреждений в Англии, Германии, Франции, а в разделе о негеральдических фигурах русские гербы используются наравне с западными в качестве примеров; описание российских императорских и царских корон сочетается с характеристикой подобных регалий других европейских стран. Задавался Ю.В. Арсеньев и вопросом о западном влиянии, испытанном русской геральдикой, особо важным он считал изучение ее связи с польским герботворчеством. Стоит обратить внимание на заголовок лекций: ни «Западная геральдика», ни «Русская геральдика», а просто – «Геральдика». Таким образом Ю.В. Арсеньев пытался подчеркнуть всеобщность тематики своего труда.

Лекции Ю.В. Арсеньева заполнили лагуну в русской историографии, которая располагала фактически только трудом А.Б. Лаки-

³⁷ Например, см.: Хёйзинга Й. Осень средневековья. – М., 1988. – С. 95, 221–234.

ра и небольшими частными работами по русской геральдике, исследования, подобного «Геральдике» Ю.В. Арсеньева в ней не было. Лишь в 1912–1913 гг. появились два выпуска «Русского геральдического словаря» В.Е. Белинского, в котором, несмотря на заголовок, дается информация о мировой геральдике³⁸. Сложно сказать, можно ли рассматривать его появление как прямое влияние книги Ю.В. Арсеньева, но В.Е. Белинский ее несомненно знал и использовал. Даже если тесной связи и не было, то издание лекций Ю.В. Арсеньева свидетельствует о возникновении определенной тенденции в отечественной геральдической историографии, смысл которой заключался в преодолении национальной изолированности изучения дисциплины.

Преподавательская деятельность Ю.В. Арсеньева продолжалась как минимум до осени 1918 г. За это время первоначальный вариант лекций заметно изменился. Автор несколько сократил разделы, касавшиеся истории рыцарства, и сделал два важных дополнения. В ноябре 1911 г. он прочитал лекцию в Витебском отделении Московского археологического института³⁹, интересную, прежде всего, своей полемической направленностью против отрицательного отношения к изучению отечественной геральдики, при этом он выдвинул идею о дифференцированном подходе к русским гербам, из которой следовало, что только часть их действительно мало интересна, а другие – полноценные исторические источники, пригодные для исследования. Описанное в лекции установление ученым национальной принадлежности пушек, оставшихся после Наполеона в Кремле, позволяет скорректировать представление о возникновении концепции гербовой экспертизы (под ней подразумевается установление принадлежности гербов). Основоположителем ее считается В.К. Лукомский. Не отрицая его больших заслуг в изучении данного вопроса, можно отметить, что к этому понятию подошел также и Ю.В. Арсеньев (независимо и практически одновременно), хотя он ограничился только конкретными экспертизами и не попытался обобщить имеющийся опыт теоретически. Не позд-

³⁸ Белинский В.Е. Русский геральдический словарь. – СПб., 1912–1913. – Вып. 1–2. Об авторе см.: Наумов О.Н. «Я фанатически предан своему делу»: письма В.Е. Белинского М.В. Асееву // Гербовед. – 1996. – № 12. – С. 53–56 (статья публикуется в настоящем сборнике).

³⁹ Арсеньев Ю.В. Вступительная лекция по геральдике... – Витебск, 1911.

нее октября 1913 г. лекция была включена в основной курс, читавшийся в Москве.

Другим существенным дополнением, сделанным, по всей видимости, Ю.В. Арсеньевым в 1915 г., стала гипотеза о тесной связи между возникновением гербов в Западной Европе и символическими изображениями на знаменах. По его мнению, первые гербы были «просто военными знаменными изображениями»⁴⁰. В дополнении довольно подробно излагалась история западноевропейских знамен древнейших времен и Средних веков. Новое уточнение положения о появлении гербов является следствием исследований ученого по истории русских и западных знамен. На рукописи одной из лекций есть позднейшая помета: «Значение гербовых знамен как древнейших памятников геральдики (из моей брошюры)»⁴¹. В целом, дополнения отражают изменение в понимании отдельных проблем геральдики, которые возникали у Ю.В. Арсеньева по мере накопления и обобщения исследовательского опыта.

Каждый, кто преподавал геральдику, неизбежно сталкивался с необходимостью подбора изобразительного ряда, сопровождающего лекции, потому что без него усвоение предмета чрезвычайно сложно. Встала эта проблема и перед Ю.В. Арсеньевым. Уже делая выписки из исследований, он копировал имеющиеся рисунки (только из работы Бернда он перерисовал более 220 гербов)⁴². Большая часть рисунков, воспроизведенных в книге, несомненно, заимствована из западных изданий⁴³. Фотографии сделаны со знамен из собрания Оружейной палаты. Количество использовавшихся в лекциях рисунков было значительным, судя по сохранившимся спискам, их насчитывалось не менее 100. Демонстрировались они с помощью фонаря и стекол⁴⁴.

Лекции по геральдике Ю.В. Арсеньев читал не только в Москве, но и в отделениях института в Смоленске, Витебске, Нижнем Новгороде, Ярославле. Для них курс сокращался и занимал 3–4 дня. Принимая во внимание интересы слушателей, ученый дополнял свои лекции сведениями о местных гербах.

⁴⁰ РГАДА. – Ф. 1254. – Д. 642. – Л. 34.

⁴¹ Там же. – Л. 26.

⁴² ОРФ ГЛМ. – Ф. 230. – Д. 365. – Л. 9–27. Рисунки из книги И.Х. Гаттерера см.: Там же. – Л. 76–96.

⁴³ Например, см.: *Rietstap J. B. Armorial général.* – Lion, 1950. – V. 1–4.

⁴⁴ ОРФ ГЛМ. – Ф. 230. – Д. 365. – Л. 60 об., 63, 180–183.

Ю.В. Арсеньев стремился постоянно совершенствовать читаемый курс. В 1913 г. он составил докладную записку, в которой предложил дополнить лекции практическими занятиями по геральдике: «Это дало бы возможность ознакомить слушателей с практической частью геральдики и дало бы им навык разбираться в гербах чрез рассматривание и разбор таковых в специальных изданиях. Такой наглядный способ изучения геральдики всегда признавался наиболее целесообразным»⁴⁵. Этот проект был связан с предполагавшимся переходом от трех- к четырехгодичному сроку обучения в Московском археологическом институте. К сожалению, замысел остался нереализованным, и практические занятия по геральдике так и не были введены, но сама мысль о них явилась новым шагом в преподавании геральдики в России. Она была впоследствии реализована В.К. Лукомским и Н.П. Чулковым⁴⁶.

Лекции Ю.В. Арсеньева оказали непосредственное влияние на ряд специалистов, обучавшихся в Московском археологическом институте. Под руководством ученого написал и защитил выпускное сочинение «Польские геральдические эмблемы в русской геральдике в связи с историей некоторых дворянских родов в России» В.П. Лапчинский⁴⁷, начавший в 1913 г. собственную преподавательскую карьеру в Смоленском отделении института. Он читал лекции по геральдике и генеалогии. В рецензии на выпускное сочинение В.П. Лапчинского Ю.В. Арсеньев написал: «Представленное В.П. Лапчинским на степень ученого археолога рассуждение по геральдике представляет, по моему мнению, весьма добросовестную ученую работу, освещающую один из интересных вопросов нашей русской геральдики, а именно влияние на нее геральдики польской. Свою работу автор начинает беглым очерком исторических условий, влиявших на распространение польской культуры на Киевскую Русь через посредство Великого княжества Литовского, причем появление польских гербов в истинно русских областях является одним из важных показателей этой культуры. Далее автор пе-

⁴⁵ Там же. – Д. 364. – Л. 2.

⁴⁶ *Наумов О.Н.* Геральдика в научном творчестве генеалога Николая Петровича Чулкова // *Гербовед.* – 1996. – № 9. – С. 138–146 (*Статья публикуется в настоящем сборнике*).

⁴⁷ О нем см.: *Борисов И.В.* Владимир Прохорович Лапчинский // *Гербовед.* – 1995. – № 7. – С. 62–68.

реходит к рассмотрению гербов большого числа русских фамилий, заимствовавших из польской геральдики свои гербы целиком или же отдельные эмблемы [...]. К своему труду автор приложил весьма тщательно и художественно исполненный альбом польских гербов, относящихся к его исследованию. Альбом этот придает тексту работы особенную полноту [...] и показывает хорошее знакомство автора с правилами геральдического рисования»⁴⁸.

Лекции Ю.В. Арсеньева по геральдике слушал известный библиограф и исследователь экслибрисов (в том числе и гербовых) У.Г. Иваск, в библиотеке которого имелось немало книг по геральдике, в том числе и издания Ю.В. Арсеньева с автографами автора⁴⁹. По учебнику Ю.В. Арсеньева занимался и сдавал экзамен один из крупнейших русских знаменоведов П.И. Белавенец⁵⁰. Таким образом, преподавание геральдики в Московском археологическом институте стимулировало появление специалистов по данной дисциплине и способствовало повышению уровня знаний в этой области среди слушателей учебного заведения, что положительно сказывалось на их дальнейшей научно-исследовательской деятельности.

Заслуги Ю.В. Арсеньева признавались руководством института, которое, представляя его к чину действительного статского советника, указывало, что созданием лекций по геральдике он «внес крупный вклад в археологическую науку»⁵¹. Лекции сыграли большую роль в развитии русской геральдики, их влияние заметно в исследованиях различных авторов и в учебных курсах по геральдике, появившихся позже.

Значительное место занимало в научном творчестве ученого изучение истории русских и западных знамен. В конце XIX – начале XX в. в России остро стоял вопрос о национальных цветах. Для его разрешения правительство создало две специальные комиссии (в 1896 и 1911 гг.), Ю.В. Арсеньев был членом второй из них, называвшейся Особым совещанием для выяснения вопроса о русских государственных национальных цветах при Министерстве юстиции. Совещанию предстояло разобраться в некоторых сложных вопросах национальной символики; в частности, обосновать истори-

⁴⁸ ОПИ ГИМ. – Ф. 43. – Д. 25. – Л. 327–327 об.

⁴⁹ ОР РГБ. – Ф. 783. – К. 2. – Д. 5. – Л. 3–7.

⁵⁰ Там же. – Ф. 434. – К. 2. – Д. 7. – Л. 3–4.

⁵¹ ЦГАМ. – ЦХД до 1917 г. – Ф. 376. – Оп. 2. – Д. 9. – Л. 12.

чески правильные цвета флага России и использовать их для создания системы знамен. Оно остро нуждалось в специалистах, а их в стране было очень немного, поэтому был привлечен Ю.В. Арсеньев, сразу активно принявшийся за работу: он участвовал в дискуссиях, делал доклады и т. п. В цикле статей, написанных в 1910–1911 гг.⁵², он попытался не только разрешить конкретные вопросы, связанные с задачами Особого совещания, но и вывести изучение русских знамен на научный уровень. Ю.В. Арсеньев являлся среди членов совещания, наверно, единственным, кто имел глубокое и полное представление о геральдике, знал зарубежную историографию, работал с архивными источниками по теме и имел прямой доступ к подлинным знаменам. В его исследованиях по знаменоведению подробно охарактеризовано функционирование знамен в Европе: в войсках, придворных церемониях, бытовой жизни рыцарства, разъяснен символический смысл знамени в Средние века. Одновременно он рассматривал цвета и изображения знамен. Верный своему приему, ученый попытался включить в общеевропейский процесс развития и русские знамена, параллельно излагая историю государственных знамен Германии, Франции, Польши, Литвы, России. Исследователь отмечал влияние западных традиций на знамена Руси (появление полотнищ с геральдическими изображениями в XVII в.), связывал знаменоведение с геральдикой. Он был сторонником черно-желто-белого флага, но одновременно указывал на существование в XVII в. царского знамени белого цвета с алой каймой и черным (или золотым) орлом, измененного Петром I в связи с принятием императорского титула. Поэтому другой член Особого совещания, крупный историк, впоследствии академик Н.П. Лихачев обвинил его в том, что он предлагает новую комбинацию цветов для русского государственного флага: красно-бело-золотую. Ю.В. Арсеньев отверг это утверждение, хотя и продолжал разви-

⁵² *Арсеньев Ю.В.* К вопросу о белом цвете царского знамени, существовавшего на Руси до начала XVIII века. – СПб., 1911; *Он же.* Несколько дополнительных замечаний по вопросу о морских национальных флагах // Журнал Министерства юстиции. – 1911. – № 4. – С. 238–247; *Он же.* О геральдических знаменах в связи с вопросом о государственных цветах Древней Руси // Там же. – № 3. – С. 129–167; *Он же.* О знаменах с геральдическими изображениями в русском войске XVII века. – Смоленск, 1911; *Он же.* О знаменах // Памятка Смоленская лета 1910 месяца октября дня 1. – Смоленск, 1911. – С. 11–20; *Он же.* Отзыв члена Особого совещания Ю.В. Арсеньева на доклад Н.П. Лихачева в заседании 26 февраля 1911 г. – СПб., 1911.

вать свою концепцию о белом царском знамени XVII в. Для развития отечественного знаменоведения деятельность Особого совещания означала серьезный шаг вперед. Благодаря его членам (в том числе в значительной степени Ю.В. Арсеньеву) научное, основанное на архивных источниках, вещественных памятниках, сравнительном анализе изучение знамен было признано единственно возможным. Ю.В. Арсеньев – один из основателей русского знаменоведения как научной дисциплины и полноправной области исследований.

Он внес важный вклад в развитие отечественной генеалогии. Элементы родословных знаний стали появляться в его трудах в 1900-е гг. Историк опубликовал ряд источников XVII–XVIII вв. по генеалогии Шепелевых, Масловых, Спафариев, Арсеньевых, Коптевых, Хвошинских, Хотяинцовых и др.⁵³. Он привлекал геральдические сведения для решения генеалогических проблем. На основании совпадения эмблем гербов различных родов Масловых он выдвинул предположение о единстве их происхождения и родстве с польской фамилией Масловских. Определенным опытом генеалогических исследований Ю.В. Арсеньев обладал, но ему пришлось попробовать свои силы и в преподавании. Летом 1913 г. из-за конфликта с директором А.И. Успенским и группой преподавателей во главе с Н.Я. Новомбергским Московский археологический институт покинул крупнейший генеалог Л.М. Савелов, и 26 июля 1913 г. Совет учебного заведения поручил читать лекции по генеа-

⁵³ *Арсеньев Ю.В.* Новые данные о службе Николая Спафария...; *Он же.* Родословная Шепелевых конца XVII века // Чтения в Обществе истории и древностей российских. – 1900. – Вып. 4. – Отд. 4. – С. 25–28; *Он же.* Из поместного быта XVII в.: акты семейного архива Арсеньевых // Там же. – 1901. – Вып. 4. – Отд. 4. – С. 24–31; *Он же.* Пять сговорных рядных записей XVII и начала XVIII вв. (из собрания актов Ю.В. Арсеньева) // Там же. – Вып. 2. – Отд. 4. – С. 1–7; *Он же.* Близний боярин князь Никита Иванович Одоевской и его переписка с галицкой вотчиной (1650–1684 гг.) // Там же. – 1903. – Вып. 2. – Отд. 1. – С. 1–129; *Он же.* Икона Знамения Божией Матери, которой благословил светлейший князь А.Д. Меншиков сына своего князя А.А. Меншикова // Труды Комиссии по осмотру и изучению памятников церковной старины г. Москвы и Московской епархии. – 1904. – Т. 1. – Отд. 11. – С. 1–4; *Он же.* Род князей Гантимуровых: генеалогическая справка // Московские ведомости. – 1904. – 12 мая. – № 130; *Он же.* Список стольников, стряпчих и жильцов, которым жить в Москве в 1649 г. // Летопись Историко-родословного общества в Москве. – 1905. – Вып. 3. – Отд. 3. – С. 5–9; *Он же.* Новые данные о роде Масловых // Там же. – 1912. – Вып. 2. – С. 43–67.

логии Ю.В. Арсеньеву⁵⁴, хотя он на этом заседании отсутствовал. Генеалогия входила в программу на втором курсе археографического отделения и завершалась экзаменом.

Будучи человеком обязательным и исполнительным, Ю.В. Арсеньев не отказался от нового дела и начал создавать текст лекций. Как свидетельствуют сохранившиеся подготовительные материалы, это давалось ему с большим трудом. Только программа по генеалогии имела четыре варианта. Ю.В. Арсеньев учитывал и свой опыт преподавания, и опыт, накопленный Л.М. Савеловым. Он решил расширить проблематику курса и включить в него не только русскую генеалогия, как это было у Л.М. Савелова⁵⁵, но и зарубежную. До сих пор созданные им лекции остаются единственным примером подобного рода, они распадаются на две части – в первой излагается теория, методика и история генеалогии в Западной Европе, а во второй – сведения по русской генеалогии⁵⁶. Структура первой части соответствует построению курса геральдики, т. е. сначала говорится об истории западной генеалогии, а затем о ее теории. Интересно, что Ю.В. Арсеньев ничего не сообщал о генеалогии конкретных западных родов, а сосредоточился только на развитии генеалогических знаний. Он поддерживал тезис о том, что генеалогия – более древняя область знаний, чем сама история, а при изложении древнейшего периода он рассматривал ее в общемировом масштабе, коснувшись Древнего Египта, Китая, Ассирии, Иудеи, Индии и др. При этом исследователь, опираясь на данные этнографии, отметил поразительную схожесть родовых преданий у различных народов. Основной темой лекций по истории генеалогии в Средние века и в эпоху Возрождения стало развитие методики изложения родословной информации, выразившееся в изменении центрального методического приема – «родословного дерева». Это сочеталось с анализом наиболее крупных генеалогических источников (в том числе вещественных) и трудов. Источниковедение, историография и методика западной генеалогии представлены в лекциях Ю.В. Арсеньева как единый процесс. Не случайно, что и русскую генеалогия он попытался включить в общеевропейское развитие дисциплины (раздел о научных обществах). Сравнительный анализ изучения ге-

⁵⁴ ЦГАМ. – ЦХД до 1917 г. – Ф. 376. – Оп. 3. – Д. 15. – Л. 78; Д. 68. – Л. 38–38 об.

⁵⁵ Савелов Л.М. Русская генеалогия. – М., [1908]. – Ч. 1–2; переизд.: М., 1994.

⁵⁶ РГАДА. – Ф.1254. – Д. 644. – Л. 3–55; ОРФ ГЛМ. – Ф. 230. – Д. 364. – Л. 80–114.

неологии непривилегированных сословий в России и в Германии позволил ученому по-иному объяснить причины сословной ограниченности дворянством отечественных родословных исследований.

Раздел по русской генеалогии построен на основе сокращенных и переработанных лекций Л.М. Савелова, откуда Ю.В. Арсеньев заимствовал классификацию и характеристику источников, а также часть обзора истории дворянства России.

Лекции по генеалогии компилятивны, как и курс геральдики. Они созданы с использованием широкого круга зарубежных и отечественных работ. Наибольшее влияние на курс оказала немецкая историография, которая еще с XVIII в. приобрела научный характер и к началу XX в. была едва ли не самой передовой по глубине теоретических обобщений, точности методических приемов, обширной скрупулезности многотомных работ о конкретных родах. Главными трудами, на которые опирался Ю.В. Арсеньев, стали исследования О. Лоренца, Девриента и О. Форст-Баттаглия, остающиеся до сих пор одними из лучших работ по генеалогии. Привлекались также исследования И.Х. Гаттерера, С. Кекуле фон Страдонитца (с ним Ю.В. Арсеньев состоял в переписке)⁵⁷, голландского историка фон Маанена и др. Ю.В. Арсеньев использовал многочисленные работы отечественных историков, юристов, этнографов: М.К. Любавского, М.М. Ковалевского, М.М. Хвостова и др. Всего сохранились выписки из более чем 30 исследований⁵⁸.

Верный своей идее упорядочения отечественной исторической терминологии, историк и в лекциях по генеалогии к каждому термину подобрал эквивалент на немецком, французском, иногда – итальянском языках.

Читая в 1914–1918 гг. лекции, Ю.В. Арсеньев продолжал совершенствовать их текст, сокращал и перерабатывал отдельные разделы. Первоначально он опирался на труды О. Лоренца и Девриента, но в 1915 г. изменил основу изложения западной генеалогии, обратившись к работам О. Форст-Баттаглия⁵⁹. Вскоре оказалось, что первый вариант более удовлетворяет потребностям преподавания, и в 1916 г. Ю.В. Арсеньев вернулся к более раннему тексту. Ни тот,

⁵⁷ РГАДА. – Ф. 1254. – Д. 792. – Л. 1.

⁵⁸ Там же. – Д. 644. – Л. 56–57; ОРФ ГЛМ. – Ф. 230. – Д. 364. – Л. 14–80, 115–199.

⁵⁹ Там же. – Л. 14.

ни другой не были опубликованы и до сих пор об их существовании мало известно. Между тем, в них он предпринял попытку излагать русскую генеалогию в связи с достижениями европейской науки, вывести ее на мировой уровень и обогатить новыми методическими приемами. В Московском археологическом институте готовились специалисты, разбирающиеся не только в отечественных, но и в зарубежных вспомогательных исторических дисциплинах.

Лекции Л.М. Савелова и Ю.В. Арсеньева разделяет всего пять лет, но это были годы активного формирования русской генеалогии как научной дисциплины. Поэтому легко объяснима теоретико-методическая направленность курса последнего. Ю.В. Арсеньев стремился по-новому осмыслить генеалогию как систему гуманитарного знания и элемента культуры. Если Л.М. Савелов подводил итоги генеалогии в России, то Ю.В. Арсеньев открывал перспективы ее развития: совершенствование методики, расширение связей с другими дисциплинами и общеевропейская интеграция генеалогических исследований. Последняя проблема, которую в какой-то мере поставил еще Л.М. Савелов (обзор в его лекциях истории дворянства стран Европы и изучение западного происхождения некоторых русских родов), у Ю.В. Арсеньева проявилась настолько ясно, что его лекции – это уже не курс русской генеалогии с элементами сведений по зарубежью, а равномерное изложение западного и русского родословного знания.

Однако влияние лекций Ю.В. Арсеньева на русскую генеалогическую мысль могло быть большим, если бы они читались не во время мировой войны, когда научные исследования в России сворачивались. Ю.В. Арсеньев обратился к иным проблемам, все более интересуясь политической и общественной жизнью. Уже с начала 1900-х гг. ученый принимал участие в дворянском и монархическом движениях. Он собрал большую коллекцию газетных вырезок (о земельной политике, реформе Церкви и др.) и документов политических партий⁶⁰, интересовался взаимоотношениями России и православного Востока, так называемым «восточным вопросом». Историк тяжело пережил отречение Николая II от престола и до последних дней оставался верен монархическим убеждениям.

⁶⁰ ОПИ ГИМ. – Ф. 43. – Д. 26. – Л. 1–165; Д. 78. – Л. 9, 30, 38, 93–97; РГАДА. – Ф. 1254. – Д. 815, 816.

«Итак, Россия осталась без своего хозяина, без Царя-Помазанника и теперь переживает опаснейший период, подобный разрухе начала XVII в.», – писал Ю.В. Арсеньев 4 марта 1917 г. в дневнике, засекреченном впоследствии сотрудниками архива по причине «анти-советской направленности»⁶¹. Сколько надо было иметь мужества и стойкости, чтобы 1 марта 1917 г., в обстановке ниспровержения императорской власти, явиться в Архангельский собор Кремля на панихиду по Александру II. Кроме Ю.В. Арсеньева в огромном здании присутствовало всего 3 человека...⁶²

Дневниковые записи весны 1917 г. отразили сложные процессы, происходившие в стране. Ю.В. Арсеньев то пишет о «совершенно сером мужике», который просил его указать, где Успенский собор, где короновался государь и где святыни русского народа; то записывает услышанный на улице разговор: «Гражданин, не знаешь ли, когда будет трамвай?» – «Когда будет тебе царь, тогда будет и трамвай»⁶³. Все это убеждало его, что монархические идеи народа живы, еще теплилась надежда... В дни Октябрьского переворота в его дневнике появилась запись пародии на басню И.А. Крылова «Ворона и лисица», начинавшаяся так:

России как-то Бог послал свободу!
В восторге от грядущих благ
Россия сшила красный флаг,
Уже «Республикой» себя вообразала,
На ту беду Германия близехонько бежала...

Далее все разворачивалось по известному сценарию, а конец был таков: «Флаг выпал... и прощай свобода»⁶⁴. Неизвестному автору не откажешь в прозорливости.

До самой кончины историк оставался на посту хранителя Оружейной палаты, проявляя преданность настоящего ученого вверенному делу, хотя в марте 1917 г. его на некоторое время и отстранили от работы, как всех дворцовых служащих. Осенью 1917 г. Ю.В. Арсеньев принимал эвакуированные из Эрмитажа культурные ценности, участвовал в работе комиссии по приему дворцового имуще-

⁶¹ ОПИ ГИМ. – Ф. 43. – Д. 100. – Л. 44.

⁶² Там же. – Л. 42.

⁶³ Там же. – Л. 48–49.

⁶⁴ Там же. – С. 217–217 об.

ства. Вопреки утверждениям советской историографии он не «бежал на юг»⁶⁵, ученый не мог бросить музей, остался в Москве, несмотря на притеснения большевиков, несмотря на вмешательство «комиссаров» в деятельность Оружейной палаты и на постоянную опасность быть уволенным или арестованным. Ю.В. Арсеньев остро переживал начавшееся разграбление художественных и исторических сокровищ России. Еще в апреле 1917 г. он встал на защиту трофейных польских знамен, которые Временное правительство, по инициативе А.И. Гучкова, решило вернуть Польше, ездил к председателю Совета министров князю Г.Е. Львову, но безуспешно. В его дневнике появляется отчаянная запись: «Как русский человек, москвич и хранитель Оружейной палаты в течение почти 20 лет, не могу допустить такого расхищения наших народных исторических трофеев, принадлежащих всему Российскому государству»⁶⁶. Назвав передачу знамен ограблением, Ю.В. Арсеньев прозорливо констатировал: «Итак, началось расхищение Русской державы»⁶⁷. Он еще не знал, что будет с национальным достоянием России...

После большевистского переворота Ю.В. Арсеньев, живший в Кремле и бывший свидетелем его осады, имел возможность наблюдать и разрушение исторических зданий, и разграбление Московского дворцового архива. А потом было «как у всех»: хлеб по карточкам, национализация имущества, погромы усадеб, аресты, грубость и издевательства наполнивших улицы солдат, продажа вещей (в том числе редких, ценных книг), вселение в квартиру большевистских деятелей. Пришлось ему проживать на одной лестничной клетке с новым правителем России Троцким. И он еще находил силы читать лекции по геральдике и генеалогии. В дневниковой записи 25 сентября 1917 г. он писал о подготовке лекции по генеалогии, а рядом – о погромах усадеб⁶⁸.

Юрий Васильевич Арсеньев скончался 4 февраля 1919 г. в Москве и был погребен в семейном склепе в Донском монастыре. Могила не сохранилась. Он прожил жизнь, наполненную служением

⁶⁵ Пашков А.М. Вспомогательные исторические дисциплины в отечественном архивном образовании в конце XIX – начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. – М., 1984. – С. 180.

⁶⁶ ОПИ ГИМ. – Ф. 43. – Д. 100. – Л. 73 об.

⁶⁷ Там же. – Л. 71 об.

⁶⁸ Там же. – Л. 194 об.

России и русской науке, сумев внести свой вклад в развитие геральдики, знаменования, генеалогии и других разделов исторического знания. Он был одним из тех историков, которые создавали впоследствии оклеветанную великую русскую науку, но настало время, когда им можно отдать ту дань уважения, которую они заслужили. Современным исследователям есть чему поучиться у них и в научном, и в человеческом смысле. Они во многом предугадали те тенденции, которыми жила мировая наука в XX в. Таков был и Ю.В. Арсеньев – ученый с европейским уровнем мышления и культуры, чье научное творчество до сих пор не утратило ценности.

Опубликовано: Арсеньев Ю.В. Геральдика: лекции, читанные в Московском археологическом институте в 1907–1908 году. – Ковров, 1997. – С. 336–359. В настоящем издании исключен раздел, касающийся методики подготовки текста лекций к печати. Публикуется с дополнительными иллюстрациями.